

Первое, что молвил Александр Солженицын на родной земле, — это "Осторожно! Осторожно!". Недаром за его встречу отвечал местный глава Комитета по чрезвычайным ситуациям. Едва из самолета вылез трап, как орава журналистов ломанулась через все ограждения. Дикая давка отчасти снизила пафос торжества — Солженицына чуть не затоптали, а его супруге отдавили ногу.

— На вопросы я сейчас не отвечу, так чего ж толчемся-то? — недоумевал писатель. — Какая сенсация в том, что человек домой вернулся?

Несмотря на возраст, несмотря на межконтинентальный перелет, Александр Исаевич был оживлен. Он обнялся у трапа с друзьями — писателем Борисом Можаевым и бывшим диссидентом Валерием Борщевым. Хлебом-солью гости встретили две девицы в париках и нацарадах.

ду, но пока надо познакомиться с ситуацией. Писать... Я 18 лет писал в Вермонте. Такое счастье представить невозможно...". К чему относилась его последняя фраза — к возвращению на Родину или к вермонтскому отшельничеству — непонятно...

На обед для писателя затребовали по рации "горячего супца". Надеемся, что ему не подали корейскую лапшу в термочашках — она здесь в большой моде.

Вообще, во Владивостоке с продуктами худо. То-то удивлялись приморцы в субботу невиданно богатой ярмарке у здания краевой администрации.

Солженицыны и свита шли вдоль торговых рядов. Гость заглянул к грузовику, с которого устрицы продавали окорока и кислую капусту. "О, Солженицын! Ни фиги себе!" — закричала продав-

ВОЛШЕБНИК, НЕ СДЕЛАВШИЙ ЧУДА

Впервые за 20 лет Солженицын застрял в лифте

Оставив позади побитые камеры и помятую толпу, Солженицын уехал на митинг. Следом — начальство, милиция и, почему-то, карета реанимации.

Издевка судьбы: сначала на деревянной, наспех сколоченной трибунке толкнул полубрежневскую речь местный чиновник Лебединец, которого во Владивостоке ласково зовут "коммунякой". Александр же Исаевич был краток. После двухминутного выступления, засыпанный цветами, он втиснулся в микроавтобус и отбыл — народ тянулся за машинной хвостом, потом обескураженно отстал. Кого ждали? Кажется, доброго волшебника, который одним махом разрубит все гордые узлы.

Вчера утром в гостинице "Владивосток", в облеслом "люксе" за 55 тысяч в сутки, с тараканами и без горячей воды, где поселился Солженицын с женой (не захотел жить "по-капиталистически"!), собралась толпа челобитчиков. Кто принес донос на гетмана-злодея, кто — просьбу расширить жилплощадь... Александр Исаевич попросил все отдать... портье. Для самого писателя день начался с чтения почты — телеграммы президента (поздравлял с прибытием), после чего Солженицын поехал в городскую клиническую больницу. Пока он находился внутри, больных со двора туда не пускали...

Предупрежденные всего за несколько часов медики собрались в ординаторской, а в это время Солженицын сидел в застрявшем лифте. Вызванный из него общими усилиями, был немногословен: спрашивал о жизни, записывал. Ставил автографы на справочниках по нейрохирургии — за неимением "Архипелага". Оптимистически обмолвился, что больницы во Владивостоке лучше, чем в Штатах, — "у нас лечат всех".

После встречи зав. отделением шепнул: "Как медик утверждаю — у Солженицына прекрасная голова!".

Корреспонденту "МК" удалось спросить Александра Исаевича: "Правда ли, что больше не будет писать больших трудов?"

Он ответил: "Со временем, может быть, и бу-

щица, не веря своим глазам.

— Здравствуйте, почем мясо?

— 3500, Александр Исаевич.

Солженицын мог впервые за 20 лет задать этот вопрос по-русски.

А его самого засыпали вопросами на пресс-конференции. Солженицын объяснил, почему он начал свое путешествие именно с востока: Сибирь увидел только из окна тюремного вагона и теперь хочет проехать через нее потому, что меньше всего знает этот край. Ругал экономические реформы и особенно слово "ваучер", предлагая заменить его "долевиком" или "паем". "Состояние русского языка — это большой для меня вопрос, — заметил Александр Исаевич корреспондентам "МК", — потому что язык — это зеркало народной души. Русский язык сейчас в ужасающем состоянии. Я в течение 20 лет работал над созданием словаря, "сгустка" русских слов, которые мы потеряли... Мне в брошюре "Россия, которую мы потеряли" не нужны были "брифинг", "прессинг" или "рейтинг"..."

Говорил о своих планах. На вопрос "МК" по этому поводу Александр Исаевич ответил так: "Я еще не знаю, когда доберусь до Москвы... Я сейчас еще не знаю, какое впечатление будет от встреч и какая встреча повлечет за собой следующую... Но действительно я хочу жить под Москвой. А писательство мне хотелось бы не бросать. Конечно, я должен, я обязан служить России: сегодня в этом положении. Постараюсь писать и заниматься со многими людьми. Я не скажу: эгоистичные, я с ними не встречаюсь, а это хорошо — я с ними буду встречаться. Люди есть люди. Люди меняются, перестраиваются и раскаиваются."

На улице, у входа в пресс-центр, толпились любопытные. Обсуждали приезд писателя, цены, правительство. Пожилой мужчина в мятой штормовке говорил: "Америка — далеко, Солженицын все равно далеко. А у нас тут все останется прежним".

Екатерина ДЕЕВА,
Юрий ЗАЙНАШЕВ.
Владивосток.